

УДК 316.344.2

Структура и функции молодежной самозанятости в регионе

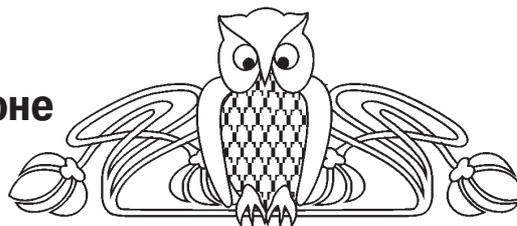
Н. П. Касаткина, Н. В. Шумкова

Касаткина Наталья Петровна, кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник, Научный центр социально-экономического мониторинга, Саранск; доцент кафедры социологии, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва, Саранск, kasatkina-ri@mail.ru

Шумкова Наталья Викторовна, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва, Саранск, niiregion@mail.ru

Социальное пространство современного российского рынка труда характеризуется возрастающим динамизмом изменений, его структура становится более дифференцированной и аморфной. Расширяются масштабы нестандартной, неустойчивой занятости, проявляющейся в том числе в практиках самозанятости. Указанные изменения имеют противоречивые социальные последствия, особенно на региональном уровне, где проблемы сохранения и воспроизводства человеческого капитала имеют важное значение. В статье представлены результаты социологического исследования факторов распространения, структуры и масштабов молодежной самозанятости на региональном рынке труда. Самозанятость рассматривается как совокупность практик, объединяющих неформальную вторичную занятость не по найму, неформальную самозанятость (микробизнес без регистрации) и формальную самозанятость (официально зарегистрированное индивидуальное предпринимательство). На основе эмпирической базы, сформированной посредством массового социологического опроса молодежи Республики Мордовия ($N = 474$, 18–35 лет), выявлена широкая распространенность практик самозанятости (60%). Наибольший удельный вес (43%) принадлежит неформальной вторичной занятости не по найму, на долю неформальной самозанятости приходится 5%, 8% – официально зарегистрированные микропредприниматели. Исходя из социальных характеристик носителей теневых практик самозанятости раскрывается специфика факторной обусловленности каждой из них. В частности, указывается, что неформальная вторичная занятость наемных работников имеет вынужденный характер и является следствием масштабной прекаризации труда. Неформальная самозанятость, напротив, имеет скорее добровольный характер, обусловленный индивидуально-личностными особенностями ее представителей (стремление к свободе и независимости), которые актуализируются в ситуации неопределенности на рынке труда. Выявлены основные функции молодежной самозанятости на уровне региона. Она снижает потенциальную напряженность на молодежном рынке труда, является инструментом сдерживания резкого падения уровня жизни и миграционного оттока молодежи, способствует развитию инновационного сектора экономики. Для усиления роли самозанятости в экономических процессах республики необходима стимуляция ее легальной, интеллектуально-инновационной и профессиональной составляющих.

Ключевые слова: молодежь, регион, самозанятость, рынок труда, фриланс.

The Structure and Functions of Youth Self-Employment in the Region

N. P. Kasatkina, N. V. Shumkova

Natalya P. Kasatkina, <https://orcid.org/0000-0002-0940-2087>, Scientific Center of Social-Economic Monitoring State Institution, 39A Khmel'nitsky St., Saransk 430005, Republic of Mordovia, Russia; National Research Mordovia State University, 68 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Russia, kasatkina-ri@mail.ru

Natalya V. Shumkova, <https://orcid.org/0000-0002-2330-0028>, National Research Mordovia State University, 68 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Russia, niiregion@mail.ru

The social space of the contemporary Russian labor market is characterized by the growing dynamics of changes, its structure becoming more differentiated and amorphous. Nonstandard, unsustainable employment including self-employment practices gains larger scale. The above mentioned changes have controversial social consequences, especially at the regional level, where the problems of human capital preservation and reproduction are of importance. The results of the social survey of dissemination factors, the structure, and scale of youth self-employment on the regional labor market are presented. Self-employment is considered to be an aggregate of practices integrating the informal secondary employment not related to hiring, informal self-employment (small business without registration) and formal self-employment (officially registered individual entrepreneurship). The wide sociological survey of the Republic of Mordovia youth ($N = 474$, age: 18–35) revealed that self-employment practices are widespread (60%). The relative amount (43%) is occupied by informal secondary self-employment without hiring; informal self-employment (5%) is followed by officially registered small businesses (8%). The social characteristics of the shadow self-employment holders revealed the peculiarities of their factor-related causes. In particular, it is noted that informal secondary employment of hired workers is of a forced character due to large-scale labor precarization. On the contrary, informal self-employment, is of a rather voluntary nature conditioned by personal characteristics of the holders (striving for freedom and independence) and actualized at labor market under the conditions of uncertainty. The youth self-employment functions at the regional level are revealed: reducing potential tension at labor market; restraining a sharp fall of living conditions and youth migration outflow, contributing to the economic innovative sector development. The article focuses on the demands to strengthen self-employment role in republic economic processes and to stimulate legal, intellectual and innovative professional components.

Keywords: youth, region, self-employment, labor market, freelance.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-4-407-414>

Современный российский рынок труда характеризуется возрастающим динамизмом изменений, обусловленных комплексом макро-

мезо- и микрофакторов социальной реальности. Социальное пространство рынка труда трансформируется, его структура становится более дифференцированной, аморфной. Появляются новые виды и формы занятости, новые социально-профессиональные роли и статусы. Характер мейнстрима приобретает тенденция к дестандартизации занятости, проявлением которой являются неполная занятость и самозанятость.

Социальные практики самозанятости населения, развиваясь преимущественно обособленно от формальных институциональных правил и норм, получают широкое распространение в трудовой сфере российского общества и становятся комплексным индикатором социально-экономических процессов. Представления о социальных проблемах в сферах труда и занятости, а также о перспективах их решения рискуют быть искаженными без учета роли и функций самозанятости. Особенно это актуально при анализе тенденций на региональных рынках труда, дифференцирующихся в зависимости от социокультурных и социально-экономических особенностей территорий.

В контексте распространения самозанятости важное значение принадлежит молодежи, которая в силу «транзитности» социального статуса занимает неустойчивое положение на рынке труда, выражающееся в высокой доле безработицы и практиках прекаризации. При этом молодежь имманентно характеризуется наиболее активным профессиональным поиском и самоопределением, освоением профессиональных ролей и норм, а также, что наиболее важно – интернализацией социальных инноваций в трудовой сфере. Самозанятость выступает одной из динамично распространяющихся стратегий интеграции молодежи в социальное пространство рынка труда.

Исследование параметров молодежной самозанятости имеет сравнительно высокий диагностический и прогностический потенциал для оценки состояния и направленности тенденций изменения человеческого капитала регионально-го социума. В связи с этим целью статьи является освещение ключевых социальных характеристик самозанятости молодежи: факторов, видов, форм проявления и функций в социальном пространстве регионального рынка труда (на примере Республики Мордовия).

В настоящее время в зарубежной и отечественной исследовательской практике отсутствует конвенциональный подход к определению самозанятости и критериев отнесения к соответствующей социальной группе. Это, в первую очередь, обусловлено межрегиональными социокультурными и социально-экономическими различиями, опосредующими локальные особенности социальной природы этого явления. Поэтому важный методологический вопрос о границах этой социальной группы сохраняет свою актуальность.

Проблематизация самозанятости имеет междисциплинарный характер. Отправной точкой для исследователей из различных областей общественных наук является классификация Международной организации труда (МОТ), которая к категории «самозанятые» относит четыре основные группы: индивидуальных предпринимателей, не использующих наемный труд (own-account workers); предпринимателей некорпоративного бизнеса, привлекающих наемный труд (employers); членов производственных кооперативов (members of producers' cooperatives); неоплачиваемых работников семейных предприятий (unpaid family workers)¹.

Таким образом, в мировой исследовательской практике самозанятость представляет собой «простейшую форму предпринимательства»². Именно из этой базовой позиции исходят зарубежные и отечественные авторы, анализирующие этот социальный феномен. Далее происходит дифференциация подходов, обусловленная степенью институционализации этой социальной практики в социумах различных стран.

Если в публикациях западных ученых самозанятость рассматривается как формальный социальный институт с функциями воспроизводства предпринимательства (в частности, молодежного), то в работах, описывающих специфику рынка труда развивающихся стран, ракурс внимания смещен в область неформальных практик, где самозанятость выступает «в качестве прокси для изучения неформального сектора»³. В аналогичном ключе самозанятость эксплицируется в российском научном дискурсе, что закономерно и обусловлено спецификой формирования рыночных отношений, способствующих расширению теневого сектора.

Что касается социологической проблематизации, то здесь выделяются два основных направления исследований: экономосоциологическое и социоструктурное.

В рамках **экономосоциологического подхода** самозанятость рассматривается в контексте места и роли в структуре экономики. В первую очередь исследуется степень локализации соответствующих практик в формальном и неформальном секторах, в сферах наемного труда и предпринимательства. При этом фокус внимания направлен на измерение масштабов и структуры деформализации и дестандартизации занятости, где самозанятость либо отождествляется с неформальной занятостью, либо представляет собой ее ведущую форму.

Используя классические подходы к изменению неформального рынка труда (производственный и легалистский), представители экономосоциологического направления пытаются очертить границы самозанятости, структурировать ее по видам и социально-групповой принадлежности ее носителей.

В частности, показывается, что практики самозанятости локализуются как в сфере предпринимательства – форме микробизнеса, так и в сфере наемного труда («зависимая самозанятость» или «неформалы в формальном секторе»); могут быть формальными и неформальными (в зависимости от налоговых отношений). Так, к неформально самозанятым относят физических лиц, ведущих индивидуальную трудовую деятельность (официально неоформленные индивидуальные предприниматели, частные предприниматели, занятые ведением личного подсобного хозяйства). В качестве ключевых идентификаторов указываются отсутствие наемного труда и функционирование вне системы формальных регуляторов⁴.

Наряду с разнообразием подходов и дифференцированностью самой группы самозанятых исследователи все же уточняют константные признаки самозанятости, к которым относятся доход от реализации произведенных товаров и услуг, а также рыночная (самостоятельное принятие решений о сотрудничестве с теми или иными контрагентами, независимость от одного источника дохода) и организационная (самостоятельный выбор объемов, места и графика работы) независимость, неустойчивый характер занятости, выражающийся в нерегулярности занятости, наличии неофициальных выплат, низком уровне оплаты труда, смене мест работы в течение года⁵.

Вместе с тем преодолеть проблему разобщенности подходов к идентификации самозанятых пока не удается: выделяются чисто экономический подход, основывающийся на данных официальной статистики и рассматривающий в качестве самозанятых зарегистрированные бизнес-единицы; социологический, ориентированный на изучение латентных социальных групп, скрытых от статистического учета; а в ряде исследований эти подходы комбинируются⁶.

Социоструктурное направление объединяет исследования трансформационных процессов в социальной структуре общества, появление новых социальных групп и слоев, выявление их специфических характеристик. Самозанятые рассматриваются как часть формирующегося социального класса – прекариата – «быстро растущего слоя работников нестабильного социального положения с неопределенной, флексибильной (гибкой) степенью занятости, с неустойчивыми формами распределения прибавочного продукта и произвольной оплатой труда»⁷. В контексте прекариатизации труда исследуются трудовые практики отдельных социально-профессиональных и социально-демографических групп, их вовлеченность в те или иные виды и формы занятости. В частности, выявляется распространенность неформальной вторичной занятости, в которую активно включены не только работающие по найму (пример учительства, активно за-

нятого репетиторством), но и учащиеся (подробно изучается феномен работающего студента)⁸.

Значительный сегмент работ в рамках социоструктурного направления посвящен изучению новой категории работников – фрилансеров – самозанятых профессионалов, субъектов рынка удаленной работы. В силу своей «индивидуальной природы труда»⁹ они отличаются «яркой индивидуализированной трудовой биографией, автономностью в организации рабочего времени и независимостью в реализации своих умений и компетенций, зачастую дефицитных»¹⁰. При этом фрилансеры детально типологизируются в зависимости от степени вовлеченности в соответствующие практики и идентификации с этой социальной группой. В отдельных исследованиях под фрилансерами подразумеваются в целом все самозанятые. Однако большинство авторов связывают этот вид деятельности с развитием информационно-телекоммуникационных технологий и характеризуют его в таких терминах, как электронная самозанятость, e-занятость, телеработа.

Обобщая содержание указанных направлений, следует констатировать, что самозанятость – довольно сложное с методологической точки зрения социально-экономическое явление в силу многофакторности и неинституционализированности. Ориентация на широкий подход к анализу самозанятых, предполагающий выявление латентных, теневых практик, связан с необходимостью исследования структурно сложносоставной и дифференцированной социальной общности, охватывающей представителей различных социально-профессиональных и демографических групп.

Следует отметить, что многие исследователи, независимо от фокуса внимания к самозанятости, сходятся во мнении, что в ее социальной структуре преобладает молодежь, поскольку характеризуется «недостаточной квалификацией и неконкурентоспособностью на рынке труда»¹¹, а также критичностью перехода «учеба – рынок труда» из-за отсутствия опыта работы и необходимых профессиональных навыков.

В публикациях как отечественных, так и зарубежных авторов прослеживается подход к классификации факторов, детерминирующих обращение индивида к самозанятости. Довольно часто они дифференцируются на «вынужденные» и «добровольные», играющие роль как «выталкивания», так и «притяжения» в соответствующую область социальных практик. Концептуальные основания изучения детерминант самозанятости заложены в классических работах по неформальной экономике, принадлежащих К. Харту и Э. де Сото, утверждающих в качестве причин неформальной занятости уровень развития экономики и качество существующей институциональной среды¹².

Оценивая социально-экономические функции самозанятости, исследователи акцентируют

внимание на ее как положительных, так и отрицательных эффектах. Несомненной позитивной функцией является амортизация негативных процессов в экономике и на рынке труда. Так, по мнению российских исследователей, неформальная самозанятость в нашей стране является «субститутом безработицы», ее силовая ликвидация «чревата ростом безработицы и снижением уровня занятости»¹³. Вместе с тем отмечается, что масштабы самозанятости не влияют на повышение ВВП, скорее, наоборот, приводятся доказательства обратного¹⁴.

Последствия самозанятости на социально-групповом уровне также неоднозначны. В частности, труд самозанятых имеет прекарный характер, они лишены надлежащей социальной защиты, перспектив вертикальной и горизонтальной (межсекторной) социальной мобильности. В то же время самозанятость часто рассматривается как некая область реализации творческого и инновационного потенциала молодежи; способ приобретения социального капитала, формирования коммуникативных навыков, опыта самообразования, тайм-менеджмента¹⁵.

Эмпирической базой исследования являются результаты авторского социологического исследования, проведенного среди молодежи Республики Мордовия (анкетирование, $N = 474$, апрель–май 2019 г.). Формирование выборочной совокупности носило комбинированный характер, использовалась многоступенчатый отбор с применением квотной и случайной выборки. Выборка репрезентирует структуру молодежи региона в возрасте от 18 до 35 лет по полу, возрасту, характеру первичной занятости, типу поселения.

Обработка и анализ полученной информации проводились с помощью пакета SPSS. Для анализа использовались методы расчета показателей дескриптивной статистики, оценки связи между переменными.

Как дополнительный источник при интерпретации количественных результатов использовались материалы авторского пилотажного фокус-группового исследования, 2-й этап которого проведен в феврале–марте 2019 г., количество участников каждого этапа – 6 человек. Критерием отбора участников фокус-группы являлось наличие опыта самозанятости (индивидуальная самозанятость как постоянный источник дохода продолжительностью не менее 1 года), возраст от 18 до 35 лет.

Доля работающей молодежи в структуре выборки составила 47%, студентов колледжей и вузов – 40%; официально безработных выявлено 6%; в отпуске по уходу за ребенком находятся 5% опрошенных. В структуре занятости работающей молодежи доминирует наемный труд (84%), к категории предпринимателей себя отнесли 16% респондентов (в том числе 10% официально зарегистрированы в этом качестве).

Параметры трудоустройства по найму, на первый взгляд, свидетельствуют о преимущественно стабильном, стандартном характере занятости молодежи: она локализуется в государственном секторе (50%), в организациях бюджетной сферы (образование, госслужба); формально урегулирована бессрочными и срочными трудовыми договорами (контрактами) (90% работающих по найму).

Вместе с тем широко распространена вторичная занятость работающей по найму молодежи (26%). Чаще всего совмещение характерно для работников коммерческих организаций, в государственном секторе сотрудники попросту не располагают временем для подработок, так как перерабатывают на основном месте работы. По продолжительности рабочее время нанятых в частном секторе (с учетом вовлеченности в дополнительную занятость) и не подрабатывающих работников государственных учреждений существенно не отличается.

Вторичная занятость наемных работников многообразна по видам и формам, но в основном сосредоточена в теневом секторе экономики. Так, в поле зрения формального регулирования находится только треть подработок: регулярно осуществляемых на основе бессрочных договоров (16%), на временной работе по срочным контрактам (8%), в качестве зарегистрированного индивидуального предпринимателя (8%). Доминирует неформальная самозанятость, на долю которой приходится 61% всех дополнительных подработок. Наиболее распространенными видами деятельности являются деловое консультирование, рекламные и маркетинговые услуги, услуги переводчика, которые чаще всего оказываются в режиме удаленной работы. Электронная самозанятость (фриланс) относится к ведущим формам неформальной вторичной занятости работников сферы найма.

Студенты колледжей и вузов также активно практикуют неформальную вторичную занятость: большинство (52%) совмещают работу и учебу, причем 38% из них регулярно подрабатывают в качестве самозанятых. Молодые люди успешно осваивают фриланс, они практически монополизировали отдельные виды оказываемых в удаленном формате услуг (программирование, веб-дизайн, поддержка сайтов). Помимо этого, для студентов характерны другие квалифицированные (репетиторство) и низкоквалифицированные виды деятельности (бьюти-услуги, услуги курьера).

Таким образом, подрабатывающие наемные работники и студенты формируют самый масштабный сегмент самозанятых (таблица).

Свой вклад (8%) в распространение практик самозанятости вносят и другие категории молодежи, имеющие статус первичной занятости. В той или иной степени регулярности подрабатывают большинство зарегистрированных в

Структура молодежной самозанятости в Республике Мордовия

Категории	Частота	%
Индивидуальное предпринимательство (как основное занятие)	24	8
Неформальная самозанятость (как основное занятие)	15	5
Вторичная занятость работающих по найму	122	43
В том числе:		
индивидуальное предпринимательство	4	1
неформальная самозанятость	30	11
нерегулярные подработки	90	32
Вторичная занятость учащихся	82	29
В том числе:		
неформальная самозанятость	38	13
нерегулярные подработки	44	15
Неформальная самозанятость официально безработных	23	8
Неформальная самозанятость находящихся в отпуске по уходу за ребенком	18	6
Итого	284	100

качестве безработных (90%). Преимущественно они занимаются трудом, не требующим высокой квалификации (строительство, услуги такси, грузовые перевозки, курьерские услуги, личное подсобное хозяйство (ЛПХ) и реализация его продуктов).

Неформальная самозанятость довольно популярна среди находящихся в отпуске по уходу за ребенком. Чаще всего женщины с детьми до трех лет выбирают виды деятельности, связанные с ведением домашнего хозяйства (рукоделие, реализация продуктов ЛПХ, помощь в уходе за престарелыми, инвалидами, клининговые услуги, организация совместных покупок).

Категория самозанятых в «чистом» виде, включающая официально зарегистрированных индивидуальных предпринимателей (ИП) и неформально самозанятых на условиях первичной занятости, в совокупности составляет 12% (8 и 5% соответственно) (см. таблицу).

В целом в практики самозанятости вовлечено 60% молодежи региона в возрасте от 18 до 35 лет. Неформальный характер занятости (в 90% случаях) позволяет констатировать масштабность теневого молодежного рынка труда.

Как и любой социальный процесс, распространение практик самозанятости среди молодежи обусловлено множеством факторов, среди которых первостепенную роль играют институциональные и индивидуально-личностные.

Контуры региональных молодежных стратегий занятости определяются, в первую очередь, условиями, формируемыми институтами рынка труда и образования. Особенности их функционирования, согласно полученным результатам, задают непростой фон для интеграции молодежи в социально-профессиональную структуру регионального социума.

Молодежь оказывается в ситуации неопределенности, риска и конкуренции ввиду низкой емкости регионального рынка труда, скудности

предложения рабочих мест. Об этом свидетельствует слабая трудовая и межфирменная мобильность молодежи, не свойственная для этой социально-демографической категории работников, отличающейся активным поиском оптимального соотношения собственных способностей и притязаний характеристикам рабочего места. Частота перемещений за предшествующие исследованию три года большей части работающей по найму молодежи стремится к нулю: 56% место работы не меняли, каждый четвертый (26%) менял работу один раз, 14% – 2–3 раза и лишь 3% – более 3 раз.

Молодежь ощущает напряженность на рынке труда: доминирует мнение, что уровень безработицы является высоким (40%) и имеет тенденцию к росту (54%). Кроме того, каналы трудоустройства на хорошую (по меркам молодежи) работу существенно ограничены: распространены протекционистские практики найма (связи и знакомства – 28%), непреодолимым барьером для трудоустройства является отсутствие опыта работы (27%).

Одним из следствий диспропорций спроса и предложения на региональном рынке труда является прекариатизация молодежной занятости не только в частном, но и в государственном секторах. В качестве латентных тенденций набирают обороты деформализация занятости по найму (особенно в частном секторе), увеличение продолжительности времени, затрачиваемого на труд (работа более 8 часов в будни, работа в выходные).

Вектор прекариатизации труда работников государственного сектора преимущественно ориентируется на увеличение продолжительности рабочего времени, не сопровождающееся изменениями в оплате труда, а в коммерческой сфере, напротив, – на распространение неполной занятости, позволяющей (или принуждающей?) подрабатывать. При этом, несмотря на прекрасные ус-

ловия труда, работающие по найму продолжают трудовую деятельность на основном месте работы и не спешат с переходом на другую.

Ключевой характеристикой молодежной занятости является работа не по полученной в системе формального образования профессии: 42% заняты в совершенно другой области, 15% – в смежных областях. Трудоустройство по профессии составляет всего 39% и, как правило, связано с работой в государственном секторе.

Феномен работы не по профессии – многофакторное явление, однако в целом свидетельствует о дисфункциональности профессионального образования, выражающейся в инертности и фрагментарности реагирования на быстроменяющиеся потребности рынка труда. Перманентно существующая дистанция между профессионально-квалификационной структурой подготовки и спросом на рынке труда порождает целый сегмент молодежи с кризисной профессиональной идентичностью и неостребованными навыками. Для нее процесс конструирования профессионально-трудовой биографии существенно отличается от традиционной схемы последовательного перемещения по всем этапам профессиональной социализации и сопряжен с необходимостью решения сложной задачи выбора стратегии самоопределения.

Очевидно, что указанные институциональные условия способствуют «выталкиванию» в область социальных практик самозанятости. Материалы фокус-группового исследования отчетливо это иллюстрируют: *Я никогда не работала по своей профессии, я также не знаю, кто я по профессии. Я окончила экономический факультет, а в дипломе у меня даже не написано, что я экономист. В дипломе написано, что я окончила университет по специальности «Менеджмент», и все* (Л., 25 лет, неформальная самозанятость, переводчик); *Получил диплом в 2013 году, и в дипломе у меня написано «информатик-экономист», но профессии «информатик-экономист» в Госреестре не существует* (Т., 32 года, неформальная вторичная занятость, инженер по ремонту технологического оборудования).

В выборе самозанятости как стратегии социально-профессионального самоопределения ключевая роль принадлежит индивидуально-личностным характеристикам, в первую очередь – ценностным ориентациям. Для носителей практик самозанятости, как и в целом для всей молодежи региона, значимы ценности семьи, здоровья и материального благополучия. Вместе с тем они отличаются стремлением к свободе и независимости, причем свободе возможностей. Из материалов фокус-группы: *Хотелось бы чтоб не просто работать, для того чтобы выжить. Но, и чтобы жизнь приносила что-то новое, была возможность ходить на курсы, получать новые компетенции. Ну и еще ценность свободы. Я не люблю, когда ставят в жесткие рам-*

ки, сразу становится плохо (В., 23 года, неформальная вторичная занятость, рукоделие); *Самое главное для меня – это свободное время. Также это деньги. И конечно общение* (Е., 33 года, неформальная самозанятость, бьюти-услуги); *Конечно же у меня повышаются навыки, компетенции, уровень моих знаний. Финансово меня тоже все устраивает... Мне нравится, что я не работаю по найму, у меня нет официального отпуска, я могу уехать, когда угодно. Например, я поработала месяц, накопила и могу поехать отдыхать куда-угодно* (Л., 25 лет, неформальная самозанятость, переводчик).

Принимая во внимание дифференцированный характер социальной структуры самозанятых, следует констатировать многофункциональность соответствующих практик на региональном уровне.

Наиболее важное значение принадлежит функции **сохранения и повышения человеческого капитала**, поскольку вовлеченность в практики самозанятости снижает миграционные настроения молодежи. Предпринимательская деятельность, как в форме зарегистрированного ИП, так и в виде неформальной самозанятости, выступает мощным удерживающим фактором. Так, 73% неформально самозанятых и 55% индивидуальных предпринимателей не планируют в ближайшие три года выезд за пределы Республики Мордовия с целью трудоустройства. Протиположная ориентация выражена у безработных (74%) и студентов вузов (63%).

Развитию человеческого капитала способствует выраженная ориентация самозанятых на самообразование: *В дальнейшем в планах только повышать свои знания и навыки. Если кто-то читал Джоан Роулинг, там не волшебник выбирал палочку, а палочка волшебника* (Т., 32 года, инженер по ремонту технологического оборудования); *Языки я начинала изучать сама, потом год жила в Барселоне, полгода в Китае. Я за то, чтобы работодатели не смотрели на диплом, потому что у меня никогда не было диплома о том, что я окончила факультет иностранных языков. Я считаю, что это абсолютно ненужная мне вещь...* (Л., 25 лет, переводчик); *Я сначала очень много читала в Интернете, смотрела мастер-классы...* (О., 21 год, кондитер).

Содействие развитию инновационного и креативного секторов экономики. Данная функция характерна преимущественно для электронной самозанятости, базирующейся на цифровых технологиях и компьютерных сетях. Согласно полученным данным, в практики электронной самозанятости вовлечено около 20% молодежи республики, при этом их ядро составляют студенты. Учитывая выраженные миграционные установки большинства самозанятых студентов (63%), следует обратить особое внимание на формирование эффективной инфраструктуры электронной самозанятости (организация интер-

нет-платформ, коворкинг-центров) и содействие развитию малого предпринимательства среди студентов, в том числе посредством введения элективных курсов, ориентированных на повышение их финансовой грамотности.

Поддержание материального статуса молодежи является социально значимой функцией самозанятости. По мнению исследователей, в периоды экономических кризисов в практики самозанятости включаются безработные и так называемые новые бедные – работающие люди, чьи зарплаты не позволяют обеспечивать им и членам их семей уровень прожиточного минимума. Согласно полученным данным, неформальная вторичная занятость молодежи Мордовии преимущественно обусловлена стремлением повысить свой уровень дохода хотя бы до размера средней заработной платы по региону. Об этом свидетельствуют их относительно низкие зарплатные ожидания – в качестве приемлемой рассматривается зарплата в диапазоне 25–34 тыс. руб.

Рассмотренные особенности структуры, факторов и функций молодежной самозанятости на региональном уровне находятся в плоскости выявляемых российскими исследователями проблем молодежной занятости. К ним, в частности, относятся прекариатизация и дестандартизация молодежного труда, а также маргинализация профессионального статуса значительной части молодежи, обусловленная рассогласованностью институтов рынка труда и образования.

В этих непростых условиях молодежь конструирует различные стратегии адаптации и интеграции в социально-профессиональную структуру регионального социума: от вполне традиционных, связанных только с работой по найму, до нестандартных (по характеру, условиям и видам труда). Значительная часть молодежной экономической активности смещена в пространство теневых практик, свободных от формального регулирования. Этот сектор экономики предоставляет возможности удовлетворять потребность в поддержании среднего по региону уровня жизни. Масштабность неформальной вторичной занятости свидетельствует о преимущественно вынужденном и компенсаторном характере практик самозанятости.

Между тем в крайне дифференцированной социальной структуре самозанятых выделяется категория молодежи, ментальность и занятость которой по своим характеристикам соответствует постиндустриальной. Ее формирует социальный слой неформально самозанятых микропредпринимателей, отличающихся доминирующей ориентацией на свободу и независимость в организации своего труда и, что немаловажно, осознанным выбором этой стратегии. Их самозанятость скорее добровольная, однако все же обусловлена маргинальностью профессионально-образовательного статуса на региональном рынке труда. Эта категория относительно неве-

лика в социальной структуре молодежи региона, но представляет собой социальный ресурс для существенного расширения сектора малого бизнеса.

В целом распространенность молодежных практик самозанятости на региональном уровне в сложившихся институциональных условиях имеет скорее позитивный эффект ввиду выраженной адаптационной функции. Вместе с тем стратегический подход диктует необходимость исследований структуры самозанятости молодежи в динамике, а также прогнозирования как последствий существующего статуса-кво самозанятости, так и результатов ее социального регулирования.

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований и Правительства Республики Мордовия (проект «Социальное пространство рынка труда Республики Мордовия: самозанятость молодежи» № 18-411-130016 p_a).

Примечания

- 1 См.: Population and Labour Force Definitions. URL: <https://www.oecd.org/.../Population%20and%20Labour%20Force%20Definitions-Eng.pdf> (дата обращения: 07.08.2019).
- 2 Blanchflower D. G., Oswald A. J. What Makes an Entrepreneur? // Journal of Labor Economics. 1998. Vol. 16, № 1. P. 27. DOI: <https://doi.org/10.1086/209881>
- 3 Вишневская Н. Т. Самозанятость в переходных экономиках // Мировая экономика и международные отношения. 2013. № 10. С. 58.
- 4 См.: Блинова Т. В., Вяльшина А. А. Структура неформальной занятости молодежи на российском рынке труда // Социс. 2018. № 4. С. 61–72. DOI: <https://doi.org/10.7868/S0132162518040074>; Киреев А. П., Климова М. О. Самозанятость населения и теневой рынок труда в России // Проблемы экономики. 2015. № 3. С. 9–12.
- 5 См.: Солодка М. С. Тенденции развития самозанятости и модели налогообложения самозанятых: международный опыт и российские перспективы // Труды Оренб. ин-та (филиала) МГЮА. 2018. № 5 (35). С. 45–49; Кученкова А. В., Колосова Е. А. Дифференциация работников по характеру неустойчивости их занятости // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2018. № 3. С. 288–305. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.3.15>
- 6 См.: Варшавская Е. Я., Донова И. В. Неформальный наем в корпоративном секторе (где и чем заняты те, кого не видно сверху) // Мир России. Социология. Этнология. 2013. Т. 22, № 4. С. 148–173; Вишневская Н. Т. Самозанятость в переходных экономиках // Мировая экономика и международные отношения. 2013. № 10. С. 58–67; Байтенизов Д. Т., Дубина И. Н., Азатбек Т. А., Кэмпбелл Д. Ф. Дж., Караяннис Э. Г. Экономические функции самозанятости // Экономика.

- Профессия. Бизнес. 2018. № 3. С. 16–23. DOI: <https://doi.org/10.14258/201834>
- ⁷ Тощенко Ж. Т. Прекариат : от протокласса к новому классу. М. : Наука, 2018. С. 81.
- ⁸ См.: Клименко Л. В., Посухова О. Ю. Профессиональная идентичность школьных учителей в условиях прекариатизации социально-трудовых отношений в крупных городах России // *Вопр. образования*. 2018. № 3. С. 36–67. DOI: <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2018-3-36-67> ; Харченко В. С. Совмещение работы и учебы в вузе : новые практики и новые смыслы // *Вопр. образования*. 2013. № 3. С. 92–104.
- ⁹ Жвителишвили А. Ш. Нестабильная занятость и социальное неравенство : западный опыт // *ИНТЕР*. 2016. Т. 1, № 11. С. 20.
- ¹⁰ Харченко В. С. Указ. соч. С. 100.
- ¹¹ См.: Горшков М. К., Батыков И. В., Батыкова А. В., Быков А. В., Голиусова Ю. В., Гришина М. А., Демиденко С. Ю., Епихина Ю. Б., Сушко П. Е., Чередниченко Г. А., Черныш М. Ф., Шилова В. А. Занятость молодежи в мотивационном и структурном измерении // *Информационно-аналитический бюллетень Института социологии ФНИСЦ РАН*. 2017. Вып. 2. С. 22. DOI: <https://doi.org/10.19181/inab.2017.2>
- ¹² См.: Барсукова С. Ю. Эмпирическая энциклопедия о жизни неформала // *Экономическая социология*. 2014. № 5 (15). С. 104–112 ; В тени регулирования : неформальность на российском рынке труда / под ред. В. Е. Гимпельсона, Р. И. Капелюшников. М. : ИД ВШЭ, 2014 ; Де Сото Э., Льоса М. В. Иной путь. М. : Catallaxy, 1995.
- ¹³ Российский рынок труда : тенденции, институты, структурные изменения : Доклад ЦеТИ и ЛИРТ НИУ ВШЭ / под ред. В. Е. Гимпельсона, Р. И. Капелюшников, С. Ю. Рощина. М. : ЦСР-НИУ ВШЭ, 2017. С. 71.
- ¹⁴ См.: Blanchflower D. G. Self-Employment : More may not be better // *Swedish Economic Policy Review*. 2004. Vol. 11, iss. 2. P. 15–73. DOI: <https://doi.org/10.3386/w10286> ; Williams D. R. Youth Self Employment : Its Nature and Consequences // *Small Business Economics*. 2004. № 4 (23). P. 323–336. DOI: <https://doi.org/10.1023/B:SBEJ.0000032035.30738.01>
- ¹⁵ См.: Стребков Д. О., Шевчук А. В., Спирина М. О. Самостоятельная занятость на рынке удаленной работы : распространение инновационной трудовой практики // *Мониторинг общественного мнения : экономические и социальные перемены*. 2016. № 6. С. 89–106. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2016.6.06> ; Panos G. A., Pouliakas K., Zangelidis A. Multiple job holding, skill diversification, and mobility // *Industrial Relations : A Journal of Economy and Society*. 2014. Vol. 53, iss. 2. P. 223–272. DOI: <https://doi.org/10.1111/irel.12055>

Образец для цитирования:

Касаткина Н. П., Шумкова Н. В. Структура и функции молодежной самозанятости в регионе // *Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология*. 2019. Т. 19, вып. 4. С. 407–414. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-4-407-414>

Cite this article as:

Kasatkina N. P., Shumkova N. V. The Structure and Functions of Youth Self-Employment in the Region. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2019, vol. 19, iss. 4, pp. 407–414 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-4-407-414>